

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 361.61

М.А. Богданова

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК МНЕМООРГАНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

На примере истории спорта и спортивной деятельности обосновывается идея о человеческом теле как особом резервуаре культурной памяти человечества. Тело человека необходимо признать ключевым предметом гуманитарного знания, которое содержит в себе многое для понимания особенностей культурного развития того или иного народа. Подчеркивается, что спорт является не просто конгломератом обычаев, привычек и физических предпочтений, а выступает стилиевой характеристикой культуры.

Ключевые слова: мнемоорганическое устройство; тело человека; В.Н. Романов; симпрактический тип культуры; спорт.

Тело человека выступает не только знаком человеческой природы, но и основным инструментом всяких человеческих деяний, это «наше орудие орудий, необходимое для всякого восприятия, действия и даже мышления» [1. С. 53].

Человеческое тело есть источник всякого изобретения и усовершенствования. Все полезные орудия и машины на Земле – не более чем продолжения наших конечностей и уточнения данных наших органов чувств. Тело человека служит основой социальных норм и нравственных ценностей, а также средством их передачи и сохранения. Нравственные кодексы остаются пустыми абстракциями, если им не даруется жизнь через их телесное воплощение, выраженное определенными позами, выражением лица, жестикой. В любом обществе благодетельные поступки, совершаемые с холодным и равнодушным выражением лица, не расцениваются как подлинные акты милосердия и сострадания. В «Записных книжках», которые во время войны носил в своем походном ранце крупнейший философ XX в. Людвиг Витгенштейн, есть очень жестокие рассуждения о связи этических представлений с телесными ощущениями. «Искалечте человека до предела, отрежьте ему руки и ноги, нос и уши, а потом посмотрите, что останется от его самоуважения и достоинства и до какой степени его понятия об этих вещах останутся прежними. Мы даже не подозреваем, до какой степени эти понятия зависят от обычного, нормального состояния наших тел. Что станет с этими понятиями, если нас будут водить за поводок, прикрепленный к кольцу, продетому сквозь наш язык? Сколько человечности еще останется в человеке?» [1. С. 55–56].

Однако верно и другое. И наше тело, и наш дух сформированы культурой. Культура дает нам языки и ценностные ориентации, институты общежития и правовые нормы, средства мышления и действия, способы питания, физического развития и рекреации, а также «и способы восприятия нашего тела – как священного сосуда или как груза грешной плоти, как личной собственности, убажваемой для собственного удовольствия, или как орудия труда на службе обществу» [1. С. 53].

Ричард Шустерман, профессор кафедры гуманитарных наук Атлантического университета Флориды, автор этих строк, в лекции от 6 апреля 2005 г. заметил, что наша «гуманитарная сосредоточенность на значи-

мых интеллектуальных и нравственных целях» привела к тому, что мы почти ничего не знаем о культурной наполненности человеческого тела [1. С. 54].

Поскольку тело – одно из значимых измерений человеческого существования и выражение природы человека, постольку его по праву необходимо признать ключевым предметом гуманитарного знания. И как ремесленник должен знать досконально свои орудия, так и человек нуждается в глубоких соматических знаниях. «Мы должны уделять больше внимания “мышлению через посредство тела”, чтобы совершенствовать самих себя и наставлять наших учеников, ибо подлинная человечность не просто задается генетикой, но достигается воспитанием, в котором тело, дух и культура должны быть объединены самым тесным образом» [1. С. 53].

Свою статью я назвала «Тело человека как мнемоорганическое устройство». В качестве рабочей гипотезы в данной статье будет проводиться мысль о том, что человеческое тело представляет собой резервуар культурной памяти, назовем его мнемоорганическим устройством, в котором особым образом откладывается, сохраняется и воспроизводится социально значимая информация.

Слово «мнемотехника» обозначает технику запоминания. Считается, что это слово придумал Пифагор Самосский, живший в VI в. до н.э. Искусство запоминания названо словом «mnemotēkhnē» по имени древнегреческой богини памяти Мнемозины – матери девяти муз. Мнемозина (Μνημοσύνη) – в греческой мифологии богиня памяти, дочь Урана и Геи, титанида, которой греки приписывали изобретение речи и счета. По числу девяти ночей, которые Мнемозина провела с Зевсом, она родила девять муз, олицетворяющих интеллектуальные и художественные свойства человека: Каллиопа, Клио, Мельпомена, Полигимния, Талия, Терпсихора, Уrania, Эвтерпа и Эрато.

В исторических анналах древности утверждается, что песнопения греков были посвящены Зевсу, его борьбе с титанами и устройению нового мирового порядка и что в связи с этим Мнемозина олицетворяет собою воспоминание об этих великих событиях и духовное начало, возникшее из красоты и гармонии физического мира. Таким образом, в мифологии в поэтической форме воспроизводится идея о том, что язык, моральные установления, научные знания, т.е. все то, что греческие и римские классики традиционно отно-

сили к гуманитарной сфере, имеет своим истоком физический мир.

Первоначально именно в теле человека культура «нашла» свой первый, довольно специфический резервуар накопления и сохранения опыта и знаний, в который бережно складывалось все то, что требовалось для воспроизводства общественного бытия.

Владимир Николаевич Романов – видный российский теоретик культуры в книге «Историческое развитие культуры. Проблемы типологии» пишет о двух типах культуры. Первый – симпрактический – тип предполагает такой способ сохранения и транслирования информации, при котором она передается посредством «предметных схем действий»; например, знание о том, как необходимо копать лопатой или плести корзины, передается непосредственным примером без вербализованного плана. Данный тип культуры присущ бесписьменным обществам, он характеризуется обращенностью к наглядности, в которой язык подкрепляется жестом. «Делай как я» – это, по сути, единственное средство передачи социально значимой информации от поколения к поколению. Но, как отмечает Романов, такого рода культурные тексты имели место в бесписьменных обществах и не нуждались в том, чтобы быть зафиксированными в письменной форме, поскольку действующее тело человека выступало достаточно вместительным и выразительным местом сохранения и трансляции родового опыта. «Проведенный нами анализ (анализировал древнюю культуру Индии), – пишет Романов, – показал, что ни ритуал, ни фольклор, ни техническая активность не требуют наличия какого-то особого информационного канала, который лежал бы за пределами самой деятельности» [2. С. 49]. Таким образом, во всех подобных случаях передача информации совпадает с актами ее порождения телесно вовлеченных в нее людей и не существует в отрыве от них.

Другой тип культуры – теоретический, более поздний, характеризуется тем, что растущий и более сложный, в плане его абстрактной отвлеченности, поток знаний и информации требует отдельных каналов передачи, отстроенных от непосредственной деятельности. Новые виды информации не могут быть переданы телесным образом. Для такого типа культуры становится необходимым перенастройка когнитивных операций членов сообщества, связанных с повышением произвольного отношения человека к своим действиям, которые достигаются посредством школьного образования, умения абстрагироваться от непосредственных сенсорных полей и вставать в ситуацию идеального наблюдателя. Романов считает, что «тоталитарный» (не в политическом смысле) тип культуры является прямым следствием развитой теоретической установки, при которой не только внешняя для человека реальность редуцируется до исчисляемой и измеряемой системы координат, но и сам человек становится по преимуществу объектом управления и исчисления.

Вяч.Вс. Иванов в своих лекциях по антропологии рассказывает об интересной работе американского этнолога XIX в. Ф. Кашинга, который долгое время жил в индейском племени, знал его обычаи и праздники, был посвящен в его тайны. Кашинг убедился в том, что ру-

ки в жизни индейцев играют гораздо большую роль, чем в жизни его соотечественников. Он обнаружил, что индейцы не только отличные ремесленники с золотыми руками, они думают с помощью рук. «Основная грань между ранними этапами культуры и культурой, в которой мы живем, состоит в том, что в нашей культуре основное делается не при помощи человеческого тела, а при помощи специальных устройств, вынесенных вовне» [3. С. 11].

Если раньше психологи пытались сравнивать память человека с памятью технических устройств, то в последнее время наблюдается совершенно противоположное. Создатели современных компьютеров и программного обеспечения черпают свои идеи из учебников по нейрофизиологии, учитывая при этом особенности восприятия и мышления человека. В результате компьютеры становятся все умнее и умнее. Ярким примером этого процесса может служить хорошо известная программа распознавания текстов FineReader, в которую заложены принципы работы зрительной анализаторной системы человека.

В человеческой памяти системы хранения различных кусков информации определяются функциями, операциями, процедурами деятельности, для которых эта информация предназначена. Процессы запоминания, таким образом, не являются нейтральными по отношению к тому, *что* запоминается и *как* это будет впоследствии использоваться. Надо отметить, что одна и та же информация может запоминаться и храниться различными способами. Известно, что в современных компьютерных системах информация также записывается разными способами: в виде схем, шрифтов, звуков, образов.

Современное состояние общества, новые изощренные каналы информационного обеспечения, когнитивные предпочтения теоретического типа культуры не отменяют обращения человека к своему телесному опыту и «знаниям» тела. Если человеку требуется ответить на вопрос «что?», он будет искать в своей памяти определения одних объектов через другие, будет абстрагироваться от своих сенсорных полей и обращаться к идеальным схемам, выработанным культурой. Он откроет справочник или энциклопедию и найдет нужную ему информацию, это будет знание, потерявшее связь со своим автором и ставшее безличным, а потому универсальным. Но если ему необходимо ответить на вопрос «как?», то здесь «логика» будет совершенно другая. В первую очередь это касается тех сфер человеческой деятельности, которые особым образом предполагают телесность. Если обратиться к спортивной деятельности, то можно найти много примеров того, как сложно при обучении технике катания на горных лыжах или во время работы со снарядом в гимнастике описать, *как это сделать*. Человек, который профессионально владеет этими навыками, как правило, может *показать*, как это делается, причем сам процесс демонстрации легче провести в реальном времени, нежели разложить его на отдельные элементы. Чем более прочным является знание, чем крепче оно внедрено в мышечную память искусного навыка, тем менее оно нуждается в словесной формуле. «Проиграть» в замедленном темпе

сложное движение, такое, как, например, поворот на горных лыжах или проводка мяча в футболе, способен только выдающийся тренер» [4. С. 62].

Принимая в расчет наше особое отношение к спорту, я хотела бы проиллюстрировать свои рассуждения некоторыми примерами и событиями из области спорта. Анализ спортивной деятельности позволяет перейти от абстрактного, дискурсивного знания о теле к живому соматическому опыту через посредство телесного движения и той среды, где происходит спортивное действие.

По моему мнению, спорт является не просто конгломератом обычаев, привычек и физических предпочтений, а выступает стилиевой характеристикой культуры. Я солидарна с Г. Эйхбергом, который считает, что народы и социальные группы в своих спортивных играх отличаются не меньше, чем в своих языках: «...шотландское толкание бревна, американский бейсбол, африканская гребля на каноэ, афганская бузгаши – эти формы практики столь же различаются, сколь и происхождение, и место обитания народа» [5. С. 71]. Модели спортивного действия – его конфигурация, пространственная структура, временная заданность, отношения между участниками, образцы применения энергии – различны в многочисленных видах спортивного единоборства (японская сумо, иранская борьба зурканех, пелота среди басков, кельтская гурен, индонезийский пенчак-силат и пр.), и они прочно внедрены в тело спортсмена. Эти модели различаются не только от региона к региону, но и внутри отдельной культуры от группы к группе. В пределах одной культуры можно встретить, как отмечает Г. Эйхберг, различные подходы в отношении к спорту «наподобие того, как в одном языке существует несколько диалектов» [5. С. 74].

Несомненно, эвристический интерес представляет собой исследование этнологических особенностей телесного поведения и спортивных практик, на которых настаивает, помимо Г. Эйхберга, французский педагог Пьер Палерба, предлагая термин «этнодвигательность» (ethnomotricite). Кроме выхода на решение специальных вопросов выяснения особенностей и характера спортивной деятельности, данное направление исследования может открыть новые горизонты понимания национального характера, ценностных ориентиров, исторических и географических судеб того или иного народа, выразившихся в формировании национальных видов спорта. Более того, принятие данного исследовательского направления позволит выйти за рамки исключительно теоретического осмысления спортивных практик в поле практической спортивной политики и избавиться от европоцентристских установок, в соответствии с которыми в современной конфигурации

спорта доминирующее положение занимают европейские спортивные практики. И если все-таки этнические и региональные игры включаются в международные спортивные состязания, происходит это за счет перестройки этих игр на западный манер.

Безусловному исключению подвергаются те состязания и игры, в которых невозможно производить измерения результатов, истоки этих игр лежат в русле национального праздника или религиозного действия.

В 1904 г. в Сент-Луисе чиновники Олимпийского комитета задумали в рамках игр провести так называемые «Антропологические дни», смысл которых состоял в том, чтобы продемонстрировать возможности спорта в деле развития человечества от дикости через варварство к цивилизации и, наконец, просвещению, до которого добрались только «белые» и «европеоиды». Было приглашено 30 «расовых типов», которые должны были состязаться в 18 дисциплинах (метание копья, взбирание на шест, борьба в грязи, боло и пр.). В числе спортсменов были североамериканские индейцы, патагонцы, филиппинцы, африканские пигмеи, японские айну. По мысли устроителей, спорт должен был стать лабораторией, в которой экспериментальным путем будут установлены различия физических возможностей между расами. «Антропологические дни» действительно показали «превосходство» белых спортсменов, как на то и рассчитывали организаторы дней. Это произошло потому, что все соревнования происходили в соответствии с моделями западного спорта, что было совершенно непонятно «дикарям», для которых любое состязание было частью ритуала, смеховой культуры, праздника. Ни о какой профессионализации, стандартизации результатов, фиксированных правилах, рекордах они не имели ни малейшего представления.

Надо отметить, что это мероприятие вызвало недовольство основателя современных Олимпийских игр П. де Кубертена, которого возмутила сама идея сравнивать спортивные достижения «цивилизованных» и «дикарей». Кубертен оценил этноигры «...как “отвратительный каламбур”, вывалившийся на пути прогресса. Тогда как в будущем черные мужчины, красные мужчины и желтые мужчины научатся бегать, прыгать и метать тяжести, оставив многих белых мужчин за собой. Это мы и называем прогрессом» (Цит. по: [5. С. 61]).

Следует признать, что Кубертен во многом оказался прав, сегодня олимпийскими чемпионами становятся люди разного цвета кожи, выходцы из всех пяти континентов; но хотя панорама спорта постоянно расширяется, олимпизм не признает «инокультурных вкраплений» и базируется на системе ценностей европейской культуры и стандартах европейской телесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустерман Р. Мыслить через тело: гуманитарное образование // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 52–67.
2. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991.
3. Иванов Вяч.Вс. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: курс лекций. М.: РГГУ, 2004.
4. Психопсихология человека / В. Кроль. СПб.: Питер, 2003.
5. Эйхберг Г. Культура олимпийского и других движений: исключение, признание, праздник // Философия, политика и культура спорта: Логос. 2009. № 6 (73). С. 58–81.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 20 февраля 2012 г.